

18+

Нелюбого о семье
сборник рассказов

Андрей
Грачев

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛУЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

Андрей Грачев

**Немного о семье.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Грачев А.

Немного о семье. Сборник рассказов / А. Грачев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852138-6

Алюминиевая труба двенадцать миллиметров диаметром, блестящая от масла, до упора скользнула в похожее на нору углубление. Ладонь в левой рукавице щелкнула переключатель вверх, станок вздрогнул, труба, спрятанная наполовину, встрепыхнулась и замерла. Кулак в правой рукавице, костяшкой стукнул по красной кнопке в желтой прямоугольной оправе и отпрыгнул к аварийному стопу. Загудев, зашевелившись, станок с воём начал втягивать в себя трубу. Ву-у-у-у. Стоп. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-852138-6

© Грачев А.
© Издательские решения

Содержание

Муж	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Немного о семье Сборник рассказов

Андрей Грачев

© Андрей Грачев, 2017

ISBN 978-5-4485-2138-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муж

Алюминиевая труба двенадцать миллиметров диаметром, блестящая от масла, до упора скользнула в похожее на нору углубление. Ладонь в левой рукавице щелкнула переключатель вверх, станок вздрогнул, труба, спрятанная наполовину, встрепыхнулась и замерла. Кулак в правой рукавице, костяшкой стукнул по красной кнопке в желтой прямоугольной оправе и отпрыгнул к аварийному стопу. Загудев, зашевелившись, станок с воем начал втягивать в себя трубу. Ву-у-у-у. Стоп. Зашипела гидравлика в шлангах, и алюминий начал гнуться под шестьдесят градусов. Снова стоп. Поворот на семьдесят градусов. Задний конец трубы выглянул, поднялся и жалостно посмотрел вверх и в бок на идущую под крышей линию окон. И снова гидравлика и гибка. Алюминий ни стонал, ни кричал, а молча и послушно принимал форму, к которой его безжалостно склоняли. Ролики завертелись, втянули трубу еще внутрь, пока снаружи не остался торчать едва заметный конец. Как беличье колесо, только в сто раз медленнее, труба начала вращаться, пытаясь на месте убежать от наплывающего, точно нос корабля, резца. Стальная вершина на чугунном теле царапнула вращающуюся серебристо-белую поверхность: З-з-ын. З-з-ык. Зы-ы-и-и-и... Под протяжный свист металла, под прыгивая, полетела стружка. Конец трубы отвалился как плевок. Станок погудел и умолк. Плоский напильник прошелся по внешней кромке, снимая заусенца. Круглый – по внутренней. Рукавица щелкнула переключатель вниз, и конец трубы чуть провалился вниз между разьежавшимися прижимными оправками. Сафронов Алексей – высокий, крепкий мужчина с чуть выпирающим твердым животом отнял трубу у станка и на глаз оценил проделанную работу. Довольный ею, он со звоном положил трубу на подпорки и взял новую прямую. Снова все застонало и заскрежетало. Снова согнулся алюминий.

– Ах, зараза! – выругался Алексей и дал кулаком по аварийному стопу. Переключатель щелкнул вниз, торчащая труба со вздохом опустилась. Ладони в рукавицах вытащили ее из разжатых губ. На месте сгиба металл сжевало.

– Тьфу ты! – плюнул Алексей. Посмотрел по сторонам, нет ли где начальника, и спрятал трубу за шкаф рядом: потом что-нибудь придумает. Затем с прищуром подкрутил циферблаты станка и сунул в «нору» новую трубу. На этот раз все прошло удачно.

Размеренно, не спеша, Алексей согнул пятнадцать труб и сквозь гудение и стук цеха свистнул погрузчик. Жужжа, подъехал Серега, ткнул пальцем в трубы, кивнул и, расширив вилы до максимума, подцепил груз легко и непринужденно. Задом, неторопливо сдал назад и, развернувшись, покатыл к воротам.

Сафронов шваброй подмел свой участок, совком подцепил перемешенную с грязью стружку и высыпал получившуюся кашу в корыто. Затем протер станок, выключил его и пошел в курилку. В ожидании обеда в каморке в центре цеха собралось половина бригады, одни мужики, почти все пенсионного возраста. Сидели и молдаване, которые обычно держались отдельно. Как всегда за столом играли в дурака: трое одной колодой, трое – другой. Остальные либо смотрели, либо дремали, либо читали газету в залатанных роговых очках.

– Твое. И это твое. А это тебе на погоны. – Тощий старик с лицом похожим на череп, положил две шестерки на плечи Кузьки и похлопал того по щеке. – Ниче, ниче, генералом скоро будешь.

Кузька обиженно убрал чужую руку от лица и снял «погоны» с плеч.

– Конечно, выиграл. Ты карты считаешь.

– А если и так? – сказал старик, склонив голову на бок и расставив руки, – кто же запрещает?

– Вон, Леха пришел, с ним играй. Ну, вас... – Кузька встал, уступая свое место мастеру гибки. Алексей, подтянув штаны, быстро, пока какой-нибудь расторопный не занял освободившееся место, переступил и сел на лавку.

– Что Лешемс, готов дураком остаться? – Старик, которого, не смотря на возраст, все называли Сашкой, улыбался. Его прищуренные, хитрые глазки следили за новым игроком напротив, в то время как руки быстро тасовали карты. Смотреть, как его пальцы дробят колоду и вертят ее частями, как им заблагорассудится, было одно удовольствие. Настоящее представление, которое гипнотизировало всех в каморке.

– Дураком не останусь, коль не дурак, а вот с дураком – могу, если продолжишь языком чесать, вместо того чтобы карты играть.

Сашка заулыбался, открывая голубоватые зубы. Колода, разбитая на четыре части, зажатая между указательными, средними и безымянными пальцами, как по волшебству с хлопком соединилась воедино. Сашка протянул карты на ладони, и Алексей потянулся снять, но раздающий опередил его, сам большим пальцем поделив колоду на две равные стопки. Положив верхнюю под нижнюю, Сашка принялся метать, как Мишка, молодой бригадир, оставшийся на заводе после практики, сказал:

– Давай двое надвое.

Сашка выпрямился.

– Ну-у-у, Мишунь, так дело не пойдём. Я уже раздавать начал. Давай со следующего кона.

– Ничего не начал, – ответил Михаил. – Ты только Лешке и Вовке кинул, а следующий я иду.

Сашка смотрел и не знал, что сказать.

– А он уж карты себе натасовал, вот и не хочет, чтобы ты присоединился, – сказал Кузька, у которого к лицу от сигареты поднималась тонкая струйка дыма.

Сашка зло зыркнул на него, но Кузьма не отвернулся.

– Ладно, – сдался Сашка, – раз так хочешь, – и стал раздавать на четверых.

Козыри были бубны. Хищная птица на круглом щите глядела на них из-под колоды. Все посмотрели на нее, но вида никто не подал. Туз – еще не победа.

– У меня шестерка, – сказал бригадир, выставляя напоказ низший козырь.

– Ходи, ходи, – сказал старик, группируя по мастям карты в левой руке.

Михаил пошел с шестерок, и Сашка взял не задумываясь. Мастер гибки и Вовка подкинули ему.

Алексей пошел русым валетом с копьём в руках.

– Вон, с каких карт ходит, – сказал Сашка, кивая на валета, – куда там натасовал...

Вовка отбился круглолицей дамой с петлями жемчуга вокруг шеи. Алексей подкинул еще одного валета. Михаил кивнул. Вовка отбил бубновой семеркой. Алексей подкинул крестовую семерку. Те, кто стояли вокруг стола подвинулись ближе. Игра обещала быть интересной. Так и оказалось. За двадцать минут сыграли шесть конов. Три раза выиграли Сашка с Вовкой, три – Лешка с Мишкой. Подошло время обеда. И из коморки вышли те, кто не стал досматривать, чем все закончится, но были и те, кто решил остаться, не смотря на законный перерыв. Колоду уже всю разобрали. Козыри были пики. У Алексея на руках оставались семь карт, у Вовки и Михаила по пять, а у Сашки одна. Тот держал ее на столе рубашкой вверх и под ладонью. Ход был Лешкин. Начал он с шестерки червей.

– У-у-у, – завыл Сашка, – у Лешемсема еще эти не ушли, сдавайтесь, и пойдём обедать.

Никто ничего не ответил. Вовка взял шестерку.

Мишка пошел крестовой восьмеркой и не «вмастил» Сашке, у которого под ладонью прятался червовый туз. Старик не говоря ни слова, взял карту и положил к своему тузу.

Снова ходил Алексей. Сначала положил крестовую девятку, подождал пока ее побьют, и только затем положил бубновую. И первую, и вторую Вовка побил десятками тех же мастей.

– Бито, – сказал Алексей, и одной рукой собрал и перевернул карты.

Настала Вовкина очередь ходить. Одним за другим он положил крестового и бубнового королей. Мишка побил крестовым и пиковым тузами.

Сашка не шевелился. Мишка повернулся к нему и сказал:

– Давай туза. Чего жалеешь?

– Ты в свои карты смотри, – огрызнулся Сашка.

– Я что, сквозь твою руку, что ли смотреть могу? Я же твоим тузом под тебя и ходил.

– Бито, – буркнул Сашка и отвернулся.

Еще четыре карты полетели в битую.

Бригадир пошел сразу с двух дам и вышел.

– Козырная, – сказал Сашка, глядя на даму с цветком в руке, которая лежала по соседству с червовой подругой, – ну тогда возьму. Он поднял карты под ладонью, чтобы все четыре раскрыть веером.

Алексей ходил под Вовку. У того оставалась одна карта, и мастер гибки не знал какая.

– Валет! – сказал он, кладя валета с луком в руках.

Вовка побил козырной картой и тоже вышел. Остались Алексей с Сашкой. И у того, и другого на руках были по четыре карты. Ходил старик.

– Дама, – сказал он, кидая на стол даму червей.

Алексей молча отбил червовым королем.

– Дама, виной! – Карта с размаху шлепнулась поверх короля.

Алексей молча побил ее козырным королем.

– Бито, – сухо сказал Сашка.

И у того, и у другого оставались по две карты.

– Ходи Лешемсм, – сказал Сашка улыбаясь.

В зеленом рабочем халате зашел Евгений Петрович, начальник цеха.

– А вы че еще не на обеде?

– Все, все, – сказал Сашка, бросая карты на стол рубашкой вверх и поднимая руки, – уже идем.

– Ща идем, Евгений Петрович, ток доиграем, – сказал Мишка.

– Играйте-играйте, – ответил начальник, засовывая руки в карманы и придвигаясь ближе. – Я смотрю.

Сашка хмуро подобрал карты, жалея, что не кинул их лицом вверх.

– Шестерка крести – дураки на месте! – закричал Сашка, глядя на карту, которой под него пошли. Прятать свои карты не имело уже смысла, но он все равно держал их за обеими ладонями, пытаясь при этом вспомнить, правильно ли он запомнил уходы. Сначала восьмерки были, потом шестерки и валеты. Козыри точно все ушли. У Сашки выходило, что у его противника была мелкая червуха. Либо восьмерка бубей. Нет, подумал Сашка, не может быть восьмерки, иначе он бы ее подбросил к крестовой, но в тот раз у него одна оставалась и Алексей не мог этого сделать.

– Ну, что Сашок, долго еще друг на друга смотреть будем? Обед уж заканчивается.

– Ты же не идешь на обед? – сказал кто-то из зрителей.

– Что не идешь-то? – улынулся Сашка. – Не най аппетит потерял?

– По семейным делам он сейчас уходит, – ответил за своего мастера, начальник. – Он вчера еще отпросился.

– А заплотят, как за целый день, – с обидой сказал Сашка.

– Как работал – так и заработал, – ответил Алексей, лозунгом с плаката, которых в цехе с советских времен хватало.

– Я квиток посмотрю, – пообещал Сашка.

– Ты на это посмотри, – сказал Алексей и, не дожидаясь, когда противник побьет его первую карту, бросил вторую – бубновую восьмерку – на стол.

Все зароптали и засмеялись. Хорошо Лешка сказал, прежде чем Сашку в дураках оставить.

Сашка кинул карты рубашкой вверх.

– Не считается, – сказал он, вставая, – я на голодный желудок не умею играть – мозг без подпитки не работает.

Все засмеялись.

– Дурную голову корми не корми – умней не станет, – сказал Алексей, и все засмеялись еще раз.

Сашка молча закурил. Все остальные шумно повалили из каморки в заглохший цех и двинулись в столовую.

Начальник взял своего мастера гибки труб под руку и повел в раздевалку, оставив Сашку одного.

– Ну как там Танька-то? – спросил Евгений Петрович.

Они проходили мимо плаката женщины в красной косынке и с пальцем на губах. «Мастер! Все ли ты сделал для безопасности работы?», – гласила подпись.

– Нормально, – отвернулся Сафронов.

– Ты там ей привет передавай. – Алексей подозрительно покосился на начальника. – Пускай быстрее выздоравливает, – пожал плечами тот.

– Передам, – буркнул ему он.

– Я к тебе, зачем подошел, Леша. В субботу выйдешь?

– Нет.

– Халтурка вырисовывается, – заговорщически сказал начальник мастеру.

Очередной плакат напоминал им: «Будь на чеку, в такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и сплетни до измены»

– Давай в пятницу.

– Не, в пятницу нельзя. И в четверг нельзя. В субботу только трубы будут. Там работы на два часа. Выпишем тебе пропуск, как на уборку территории. Ну?

– В выходные отдыхать надо.

– А по средам – до четырех работать.

Алексей молча поднимался по ступеням. Начальник не отставал.

– Хорошо, – сказал мастер, – выйду. Но на два часа, не больше. Я серьезно говорю.

– Ну, вот и договорились, – обрадовался Евгений Петрович. – Только, не забудь, хорошо? Я тебе еще в пятницу напому.

Алексей ключиком открыл замок на ящике и стал раздеваться. Начальник еще что-то спросил про погоду и проезд и только когда мастер разделся, словно этого он и ждал, ушел. С металлической плоской в руках и в шлепанцах на ногах голый Сафронов пошел в душевую. В раздевалке как всегда было прохладно, и мурашки покрыли крепкое белое-белое тело мастера. Пару минут – и в душевой в его ряду стал подниматься пар. Алексей взял из плоски жесткую мочалку и мыло, и белая пена окутала его с ног до головы.

Алексей вышел обратно в раздевалку, досуха вытирая голову. Повесил полотенце на дверцу, оделся и стал искать кошелек. Кошелек нигде не оказался. Он еще раз все проверил. Кошелек нет. Плюнув на пол и уперев руки в боки, Сафронов стал думать, где и как мог потерять бумажник. Нет, ну точно утром он его в ящик клал, думал он, рядом с биноклем лежал. Не украли же его. Евгений Петрович, что ли. Ну-у-у-у, не может такого быть. И тут все понял. Сашка. Пока Алексей был в душе. Как же он не закрыл дверцу. Ни на минуту нельзя отойти.

Вдоль рядов ящиков, мимо бюро пропусков, в сторону столовой пошел Алексей, загребая руками и заглядывая в каждую встречающуюся по пути урну. В мусорном ведре на остановке, чуть-чуть не доходя до столовой, лежал кошелек. Алексей достал его, отряхнул, пересчитал – все оказалось на месте. Кто-то уже шел с обеда. Вдохнув, он вернулся в бюро, получил пропуск и двинулся в столовую. Сашка сидел вместе с остальными. Выглядел он довольным, пока не увидел мастера и не притих.

– Приятного всем аппетита, – сказал Алексей.

– Спасибо, – хором ответили обедающие.

– А ты че решил зайти? – спросил Кузька.

– Да вот еще раз хочу Сашку в дураках оставить, – ответил Алексей, и под смех товарищей больно хлопнул старика по плечу. Сашка никак не отреагировал, а молча, исподлобья смотрел куда-то вперед, пережевывая гречку. – Молоко да пирожок купить в дорогу, – ответил мастер, достал кошелек и раскрыл его перед ухом старика. – Почём с повидлом?

– Восемнадцать.

Через минуту проходя с пирожком и молоком в руках, он кивнул товарищам за столом и пошел к выходу.

«Чего хмурый, Санек?» – услышал Алексей, прежде чем за ним закрылась дверь.

–

Алексей вышел из автобуса и посмотрел по сторонам, задерживая взгляд на прохожих мужчин. Погода стояла теплая и солнечная, что было хорошо: в прошлый раз на морозе он простудился.

От остановки Сафронов двинулся через сквер. Снег на газоне уже растаял, но земля была сырой, как мокрая половая тряпка: под каждым шагом поднималась и пузырилась вода. Алексей вышел на скользкую тропинку и пошел по ней, мимо островков неба в мутных лужах. В обед на улице народа было немного. На все еще голых деревьях сидели грачи. Сафронов пересек дорогу, вошел во двор и прошмыгнул к лавке на детской площадке. Оттуда, медленно, как кошкой в воде, он обвел взглядом все вокруг, упаси бог зацепиться за что-нибудь. Крючья остались ни с чем. Выдохнув, Алексей вытащил из сумки бинокль и сфокусировал его на зарешеченном окне почты, за которым женщина, чья красота была видна с любого расстояния, перебирала письма. С ее затылка тяжело свисала черная, толстая, как рука мужчины, коса. Лицо женщины было круглое, слегка смуглое; глаза голубые, чуть раскосые; нос небольшой, с плоской перегородкой; губы красные, полные, манящие; тело пышное, фигуристое. Верх облегал серый пиджак на черной водолазке, низ – брюки темного цвета. В ни каких юбках женщина на работу не ходила. Алексей кошачьими объективами следил за канарейкой в клетке, за каждым ее жестом, выражением лица. Женщина улыбнулась, и сердце его заколотилось. Что!? почему? почему заулыбалась? в чем причина? в КОМ причина?! Не отрываясь от окуляров, Алексей сделал шаг вперед, прикованный к почтовым окнам. Никого. С кем там она? С кем посмела смеяться! Вот кто-то вышел из-за стены. Мутная фигура. Сафронов слишком близко приблизил, ничего не разглядеть. Какая-то женщина, со спины не узнать. Алексей плюхнулся на скамейку. Он весь дрожал. Ему понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться и сдержаннее продолжить слежку.

За час ничего не поменялось. Только живот урчал будто живой, прося чего-нибудь съестного. Зря Алексей не пообедал с товарищами, а поспешил на пост. Оторвавшись от бинокля, он шурясь посмотрел на мир не вооруженным взглядом. Над подъездом соседнего дома вывеска с белыми буквами на зеленом фоне гласила: «ПРОДУКТЫ». Бросив взгляд на окна почты, Алексей сорвался с места и как можно быстрее, то и дело переходя на бег, поспешил в магазин. Через две минутки, не больше, он вернулся с запеканкой и киселем, но лавку уже заняли мамы, чьи дети играли в песочнице. Сафронов досадно скривил лицо и сел на соседнюю ска-

мью. С нового места стол, за которым работала красивая женщина, был виден плохо, зато просматривалась та часть помещения, которая ранее была скрыта за стеной.

Следующий час работница почтамта перебирала и выдавала письма, болтала с коллегой и вышла покурить на улицу. Когда Алексей увидел ее с сигаретой, ему захотелось подойти и выбить гадость из ее руки, но заставил себя остаться и продолжить наблюдение, и, как оказалось, не зря.

К часам четырем подъехала синяя газель с белой и красной полосой на борту, из кабины которой вышел молодой человек в кепке. Водитель зашел в заднюю дверь справа от окон, где работала красивая женщина. Алексей видел его улыбающуюся, нахальную рожу. Не было прав у него, так вести себя с ней, думал Сафронов, не было прав. Вошедший, что-то проговорил и скрылся за стеной. Коллега красивой женщины вышла через противоположную дверь, оставив подругу и молодого человека одних. Алексей сглотнул. Медленно, как в старом вулкане, паскаль за паскалем, в нем поднималось давление. Женщина широко улыбалась, но прикосновений водителя избегала. Он бы не стал распускать руки, если бы не ее лукавый взгляд, чуть раскосых глаз, подумал Сафронов. Сердце его колотилось, он и хотел застать их за непристойным поведением и боялся этого. Женщина рассмеялась, обнажив белые ровные ряды зубов и яму между ними. Сафронов закусил кулак и издал похожий на хныканье звук. В помещение вернулась коллега женщины, и водителю пришлось разбираться с бумагами, после чего он пошел выгружать и снова загружать машину новыми посылками. Закончив, он ласково и елеинно попрощался с красивой женщиной, так же с ее подругой, его соучастницей, и вернулся за руль. Не успел он выехать со двора, как дорогу ему перекрыл крепкий мужчина. Алексей поднял руку, прося водителя не спешить, и подошел к боковому окну. Молодой человек опустил стекло и спросил:

– Чего тебе?

Алексей спокойно, чуть с улыбкой, по-хозяйски положив руку на окно, сказал:

– Здорово, меня Алексеем зовут. Не подскажешь, как к Танюхе пройти?

На лице водителя появилось недоумение.

– А зачем она вам? – наконец, опомнился он.

– Навестить хочу.

– А вы ей кто, простите, будете? – спросил молодой человек, уже зная ответ.

– Муж ее. – И Алексей постучал золотым колечком по выступающему из двери стеклу.

– Черная дверь, – буркнул водитель.

– Спасибо, – ответил Алексей, – можешь езжать Вадим.

Водитель отдернул пропуск на груди.

– Аккуратнее на дороге, – добавил Сафронов, нехорошо улыбаясь, – на пути кого только не встретишь.

Он отошел от двери машины и дал ей спокойно отъехать, взглядом провожая беспокойное лицо водителя в боковом зеркале. Алексей постоял немного и вернулся на свой пост.

В конце рабочего дня Татьяна вышла из здания, улыбаясь своим мыслям. Она медленно спускалась по лестнице, придерживая ногу над каждой ступенькой, чтобы с едва заметным сожалением сделать следующий шаг. Когда она увидела Сафронова, на светящемся ее лице на мгновение полыхнул испуг. Она замерла, перестала дышать и уставилась голубыми глазами на ждущего ее мужчину.

– Привет, – сказал он ей.

– Привет, дорогой, – улыбнулась она ему, как ни в чем не бывало, и продолжила спуск, на чуть подкашивающихся ногах. – Ты что тут делаешь?

– А то ты не знаешь.

Она подошла и поцеловала гладковыбритую щеку.

– Курила, – сказал он ей.

Она знала, что от нее не пахнет, и знала, что отрицать бессмысленно.

– Выкурила одну. День – ужас, какой тяжелый был.

Она взяла его под руку и, торопясь, потянула в сторону дома.

– Как у тебя день прошел? Давай зайдем в «Пятерочку», поможешь мне донести пакеты.

– Что за Вадим? – спросил ее он. На нее он не глядел, и не надо было, свою жену он знал как облупленную.

– Водитель наш. – Татьяна нервно рассмеялась.

– Что ты с ним лясы точишь? А?

Голос Алексея был негромким, но вибрирующим. Татьяна хорошо знала, когда он таким становился – ничего хорошего это не предвещало.

– Да ему лишь бы поболтать, работать совсем не хочет.

– А ты только рада, что он за тобой увивается? Давно не получала?

На чуть раскосых глазах Татьяны выступили слезы.

– Прости. – Она прикладывала силы, чтобы не зареветь при идущих навстречу прохожих.

Она знала, что в отличие от нее Алексею до людей вокруг не было никакого дела. Их взгляды только могли подстегнуть его поднять на нее руку. – Ну, ходит он ко мне и ходит, что я могу поделывать, он же работает с нами.

– Увольняйся, – отрезал Алексей, не обращая внимания на выходящие из берегов озера.

– Опять? Я только-только пообвыклась. Рядом с домом же. – Она взяла его ладонь в свои, прижала к груди и развернула к себе. – Ну не надо, прошу тебя.

Иногда жалость в нем пробуждалась. Может быть, мольбу «лишь бы он поверил», он принял за мольбу «сжался надо мной», а может уже поговорил с Вадимом, но она слышала:

– Даже не думай ему улыбнуться. А то не чем будет.

На этот раз он посмотрел ей прямо в глаза. Кончик языка Татьяны сам потянулся коснуться переднего искусственного зуба.

– Не буду, – заверила она мужа, – не буду, – повторила она как заклинание. – Спасибо, – искренне благодарила она его.

Слово Татьяна сдержала. На следующий день, когда приехал Вадим, она опустила глаза в пол и не поднимала их, пока водитель не убрался. Уезжая, он заметил Алексея, который скрестив руки на груди, коротко кивнул ему.

–

Наступила суббота. Алексей проснулся рано, тихо прошел в ванную, умыл лицо и, как всегда по выходным, растолкал жену. Той хотелось еще поваляться в постели, но муж повысил голос, не настолько, чтобы разбудить Андрюшу, спящего в той же комнате за сервантом, но достаточно, чтобы жена вяло поднялась и села в кровати. Ее голова сонно висела, спрятавшись за копной растрепанных волос. Пересилив себя, Татьяна встала и, шурша тапками, поплелась к зеркалу.

Через час все семейство ело побеленный сметаной борщ, откусывая ржаной хлеб с тонким слоем горчицы. На маленьком телевизоре Sharp шли мультики. На столе хлопотами Татьяны был порядок, к которому она была равнодушна. За несколько последних ложек супа, как по часам, она поставила перед мужем и сыном кружки с горячим чаем и забрала у них пустые тарелки. Вытерев рот чистым полотенцем, Алексей принялся за напиток, в котором плавала долька лимона. Восьмилетний Андрюша развернул фантик и откусил конфету, на секунду оторвавшись от экрана. Допив, сын встал и убежал в комнату, на полпути, в коридоре, крикнув через плечо «спасибо».

Татьяна дотронулась до пустой чашки с нарисованным тельцом, посмотрела на мужа, и когда тот кивнул, убрала ее со стола. Алексей взглядом проводил ее спину до умывальника, чтобы опустить глаза чуть ниже. Причмокнув, он перебросил взгляд в пустой коридор, убедился в его пустоте, поднялся из-за стола и подошел к жене. Его нос нырнул в густоту ее волос

на затылке и втянул зарытый в них аромат. Ладонь коснулась талии и медленно по телу спустилась к бедру. Другая рука легла на грудь и сжала ее, от чего сжалась и вся Татьяна. Она зашевелилась, откинула голову назад и приоткрыла влажный рот. Алексей поцеловал ее полные губы и просунул язык между ними. Ладонь от бедра проделал долгий путь к шее. Он через халат слышал, как бьется ее сердце. Женщина простонала и громко задышала через нос. Движения мужа стали напористее. Он развернул ее лицом к себе. Оно обхватила его шею и, заглянув в глаза, сказала, что посуда может подождать.

Сначала Алексей хотел кивнуть, согласиться, сказать «да», но вдруг отпрянул, и как кулаком по столу, велел жене не отлынивать от дел. Татьяна, какое-то время смотрела на него, то разочаровано, то вызывающе, надеясь, что муж передумает. Сдавшись, она послушно повернулась обратно к умывальнику, шумно пустила воду и начала греметь тарелками. Алексей постоял у нее за спиной, пытаясь успокоиться, и не успокоившись, пошел в комнату, где с час не мог найти себе места, пока в животе не улеглась еда. Тогда он взял сына и на шведской стенке по очереди с ним стал подтягиваться на турнике, подход за подходом сжигая в себе энергию, как сжигают уголь в топке. Когда руки уже начали дрожать, а на спине и лице остыл пот, только тогда Сафронов пошел в душ.

Алексей насухо вытер тело, вернулся в комнату, сел и посмотрел от начала и до конца матч по футболу, после которого, пришло время выходить. Не говоря ни слова, он переоделся, надел часы, причесался, поцеловал сына в черный водоворот на голове и, прежде чем уйти, зашел на кухню за мусором. За столом, пока на плите в казане готовился плов, Татьяна обрабатывала ногти.

– Ты куда? – спросила она, забыв о пилочке в руке.

– В гараж.

Он всегда говорил, что идет в гараж, что могло значить и на десять минут, и на целый день. Жена посмотрела на то, как он приоделся. Не иначе как на работу вызвали.

– Когда вернешься?

– Когда надо.

Он хлопнул дверью и, не дожидаясь, когда лифт поднимется на восьмой этаж, сбежал вниз по узким ступенькам. Татьяна встала у окна, чтобы муж заметил ее с улицы и сделал круг к гаражу. Тому так и пришлось поступить. Двадцать безуспешных минут он пытался завести «пятерку», пока не плюнул и не поспешил на завод.

Из-за этого он опоздал. Но Евгений Петрович не осердился. Труб оказалось на час работы, и Алексей выполнил ее неспешно и размеренно, словно и не спешил вернуться домой. Так же размеренно он убрал стружку и смазал маслом станок. Начальник долго благодарил и извинялся за то, что из-за такой ерунды вызвал мастера в выходной день, говорил, что не знал, что так мало работы будет, а знал бы «сам бы все сделал». Сафронов посоветовал ему, в следующий раз, так и поступить, и ушел в душевую, оставив сконфуженного начальника одного в раздевалке.

Все так же размеренно Алексей помылся, переоделся и дошел до проходной: в выходные автобусы на заводе не ездили. Но как только он сделал шаг за территорию завода, он живо помчался домой.

Когда Сафронов вошел на кухню, тяжело дыша после подъема по лестнице, жена смотрела телевизор на подставке на стене. Застывшие, чуть раскосые глаза краем наблюдали за ним. Ее молчание не понравилось Алексею. Но спрашивать что-либо было пока бесполезно. Он вымыл руки, переоделся, снял и положил в стеклянную миску в серванте часы и подошел к Андрюше, играющему в компьютер.

– Привет, Андрюш, – сказал он сыну, присаживаясь рядом..

– Здравовались, пап, – ответил мальчик еще детским голосом.

– Ничего, с хорошим человеком можно и два раза поздороваться. Гулять ходил?

– Ходил, – ответил мальчик, не отрывая чуть раскосые, как у матери, глаза от экрана, где накаченная рука держала нацеленную на врага винтовку.

– С мамой?

– Не-е-е. С Костяном. Мама дома осталась.

Отец кивнул, хоть сын этого и не видел.

– Как дела у Константина?

– Нормально.

– Отец пьет?

– Пьет.

– И как Константин?

– Нормально. Грустный.

– Приглашай его в гости. Я давно его не видел.

– Ладно.

Отец растормошил волосы на голове так похожего на мать сына, поднялся и двинулся на кухню. Там он сел напротив жены, посмотрел в чуть раскосые глаза и сказал:

– Чем занималась?

– Ничем. Дома целый день. С Людкой полдня по телефону болтала.

– Васька ее опять пьет.

– Знаю. Меня звал.

– Когда успел?

– Когда трубку у Людки отнял. Но я его послала. Сказала, что от нас, если только ты придешь: люлей ему навешать. – Она заулыбалась. Алексей тоже улыбнулся, подсел ближе и обнял жену, выразив, таким образом, поощрение за хорошее поведение. Он не отпускал ее с минуту: просто хотел поддержать жену в объятиях, почувствовать ее тепло. Он носом повернул круглое лицо к своему и поцеловал на нем полные губы. Все, что утром он подавил в себе на турнике, проснулось с новой силой. Он обернулся, нет ли сына рядом, рукой смял тяжелую грудь под розовой толстовкой. Снова присосался к ее полным губам, медленно клоня голову то вправо, то влево.

– Пойдем в ванную, – прошептал он ей на ухо.

– Андрюшка дома, – заулыбалась она, будто ее это когда-то останавливало. Не иначе как за утро мстила.

– Он в компьютер свой уставился. Пойдем, пока ему в туалет не приспичило.

Татьяна лукаво улыбалась и не отвечала. Он взял ее руку. Она сопротивлялась не больше мгновения, достаточного, чтобы погасить, а затем сильнее прежнего разжечь предвкушение в муже. Они закрылись в ванной и прильнули друг к другу. Сафронов дрожал от нетерпения.

В коридоре раздался дверной звонок.

Муж и жена замерли.

– Кто это? – спросил Алексей, не выпуская ее из объятий.

– Не знаю, – честно призналась она.

Он с прищуром смотрел на нее. В дверь снова позвонили. Алексей отпустил жену и, заправляя рубашку, поспешил открыть. Оттолкнув опередившего его Андрюшку, он заглянул в глазок и увидел незнакомого мужчину в косухе. На его растянутом в глазке лице играла широкая улыбка.

Этот еще, что за тип, подумал Алексей, открывая дверь.

Нерастянутое – лицо показалось ему знакомым.

– Кого? – спросил Алексей грубо.

– Оленя.

У Андрюши, выглядывающего из-за спины отца, в изумлении открылся рот.

Алексей же, то ли по интонации, то ли по тому, как назвал его гость, узнал незнакомца.

– Пашка! – закричал он.

– Лешка! – закричал гость.

– А-а-а-а!!! – закричали они оба и обнялись.

– Пашка-Пашка. Сколько лет. Заходи. Олень? Сам ты олень рогатый!

Алексей провел старого друга в дом и подвел к сыну.

– А это, что за герой? – Гость присел на одно колено. – Не Андрюха ли? Давай лапу мужик. Помнишь меня?

Андрей помотал головой, но руку пожал.

– Ого, руку мне отдавишь, силач.

Андрей еще сильнее сжал руку, закусив нижнюю губы. Гость только пуще рассмеялся.

– Все-все, сдаюсь. Нисколько меня не жалеешь, а я тебе из самого Екатеринбурга подарок вез.

Мальчик поспешно выпустил руку мужчины, вытаращив глаза.

– Подарок?

– Да. Вот. – Гость на бок сдвинул висевшую на одном плече спортивную сумку, открыл ее и достал автомат. – Держи. Как настоящий. Только пульки пластиковые.

– Ого! Кру-у-у-то!

Павел засмеялся.

– Что надо сказать? – спросил отец.

– Спасибо! – выкрикнул Андрей.

– Его можешь поцеловать, – сказал отец, – это твой крестный.

Андрюшка вытаращил глаза. Крестный. Его крестный, с которым он всегда хотел познакомиться. Про которого папа говорил, что они сильно дружили, хоть и редко виделись, с которым только по телефону и общались. Андрюша сам с ним говорил по телефону один раз на Новый Год и один раз в день рождения отца, но это было давным-давно. Он поцеловал крестного в колючую щеку и еще раз сказал спасибо, добавив на конце «крестный».

Из ванной вышла Татьяна, успевшая привести себя в порядок. Губы ее были накрашены. Как только она увидела гостя, сердце ее остановилось. Друг ее мужа был красив, как только может быть красив мужчина такого типа. Волнистые короткие волосы, ореховые глаза, мужественный крупный нос и улыбка, которая могла очаровать кого угодно.

– Здравствуйте Татьяна. – Гость сделал шаг, взял ее руку и поцеловал. – Рад, наконец-то, с вами познакомиться.

Трудно было поверить, но они до сих пор не были знакомы. Не удалось им пересечься, когда Павел работал в Норильске, ни когда он приезжал крестить Андрюшу. На свадьбе его не было, так как он был на севере, а Алексей со свадьбой тянуть не желал. Павел, как она знала, один раз видел ее за витриной продуктового магазина, где та когда-то работала, ей об этом рассказывал муж.

– Рада знакомству, – сказала она ему с добродетельной улыбкой.

Татьяна чувствовала на себе тяжелый взгляд мужа.

– Раздевайтесь, проходите, сейчас стол накрою.

Алексей стал снимать с друга куртку.

– Все в своей косухе ходишь?

– А ты все еще завидуешь, – рассмеялся гость.

Павел зашел в ванную, умылся и вошел на кухню. Под косухой на нем был легкий свитер. На плите грелись первое и ждало своей очереди второе.

– Тань, оставь все. Беги в магазин за бутылкой.

– Погодь бежать, – остановил обрадовавшуюся Татьяну Пашка. – Ты что, думаешь, я с пустыми руками?

Он сходил в коридор и вернулся с бутылкой финской водки и свертком. В свертке лежали в несколько рядов бусы из крупного речного жемчуга. Прямо как у червонной дамы на картах.

– Ой, ну не стоило, – смущено сказала жена, одновременно протягивая руку и поглядывая на мужа.

Она тут же их одела и давай красоваться: то голову наклонит, то бедро выставит, то обернувшись спиной, через плечо посмотрит.

– Хорош крутиться, – сказал муж, – не на балу. Суп накладывай: Пашка с дороги.

Татьяна расстроенная, опустив глаза, на которых чуть ли не выступили слезы, пошла относить ожерелье в шкатулку. Павел заметил ее выражение лица, но сказать, ничего не сказал: не его это было дело, и все же быстро взглянул на друга. Алексей перехватил этот взгляд и сказал:

– Нормально все. С ней по-другому никак. Слышишь? – Из комнаты донесся голос жены, ругавший Андрюшу за то, что тот рассыпал желтые пульку по ковру.

– Я уберу! – провыл Андрей.

– Знаю, как ты уберешь. Быстро собирай все в кучу, пока я шею не сломала.

– Слышишь? – повторил Алексей. – На ребенке отыгрывается. – Жена! – крикнул он. – Отстань от Андрюшки, суп кипит. – А затем снова другу: – В рукавицах, ежовых, держать надо.

Гость понимающе улыбнулся и подмигнул.

Татьяна молча вошла на кухню с высоко задранной головой. Так же молча, она половником принялась разливать борщ по тарелкам. Наполнив все три и поставив их на стол рядом с хлебом и сметаной, она села подле мужа. Павел тем временем успел налить три рюмки кристальной огненной водицы. Наполняя рюмку Татьяны, он остановился, недолив треть до вершины, так как Алексей приподнял горлышко бутылки.

– Ей хватит.

Гость чуть не возразил, но во время спохватился.

– Нельзя ей, – сказал с упреком муж. – Любит она это дело. Одну ей много, две – мало.

Татьяна стыдливо опустила газа на неполную рюмку. Румянец заиграл на ее круглом чуть смуглом лице. Полные губы сжались в тонкую красную линию.

– Ну, за встречу, – сказал Павел, поднимая рюмку и расстраивая неловкий момент.

Все чокнулись, влили водку в горло, вдохнули через нос и закусили.

– Селедочка, – сказал Павел, прежде чем отправить кусок соленой рыбы в рот.

– Ну и гад же ты! – радостно хлопнул по столу Алексей. – Ни предупредив, ни позвонив. Я тыщу лет тебя не видел. Хоть повкуснее чего приготовили бы, встретили бы тебя. Ты, вообще, откуда и куда?

Павел стал рассказывать, где был и что делал последние восемь лет, которые его привели в гости к Сафроновым. Вкратце Алексей историю его знал по редким телефонным разговорам, но слушал внимательно, облокотившись на стол. С не меньшим интересом слушали и остальные члены семьи. Даже Андрюша с пластиковым оружием в руках смирно сидел у отца на колене и не спешил пойти пострелять из новой игрушки. История за историей, мужчины выпили еще по одной, женщине же оставалось лишь жадно и с сожалением глядеть на свою пустую рюмку, лелея надежду, что муж разрешит выпить еще одну на ночь. Нет, не даст, думала она, – испугается, что не усну.

Не сильным будет преувеличением сказать, что Павел объехал всю страну. Алексей всегда дивился другу, как тому это удастся, и всегда приходил к мнению, что человеку, которому не сидится на месте, дорога все равно что дом родной – всегда рада и открыта. И даже на северном полюсе Пашка побывал. И от Владивостока к Японии на корабле плывал.

– Эти японцы, – все время повторял он, – эти японцы. Инопланетяне. Интереснее народа я в жизни не встречал. Даже китайцы и то понятнее, чес-слово. Япоши всех иностранцев

гайдзинами называют. Белых людей шугаются. Но это в селах конечно, в городах люди привыкшие.

Ближе к ночи, они с другом начали вспоминать былые времена. Холодный Норильск. Алексей тогда приехал на заработки. На четыре месяца. Смены по двенадцать часов, шесть дней в неделю, зато платили как за целый год. Нужно было только выгружать продукты, которые для города завозили. Чего там только не было. В минералах и витаминах недостатка друзья не испытывали: замороженные мясо и фрукты привозили на любой вкус.

– А я тебя один раз все же видел, Татьяна, – сказал Павел, глядя на нее слегка окосевшими, блестящими глазами. – За прилавком. Лешка мне тебя показывал. Ох, и влюблен же он тогда в тебя был. Спать не мог. Двенадцать часов отпахали без перерыва, всем бы только до коек дотащиться, а он шагами комнату мерит, на мороз выходит, все о Таньке, блин, думает. Описывал тебя как эскимосскую принцессу, вот тогда он мне тебя и показал. Сказал мне тогда, что либо с тобой останется, либо в Москву увезет. И увез-таки, с чем я его и поздравляю.

– Ладно, – сказал Алексей, спуская с ноги сынишку, – иди Андрюш с мамой в комнату, мужчинам поговорить надо.

Жена на него испытующе посмотрела. Он на нее – сердито, и она повиновалась.

– Дай, что ли хоть посуду помою, – попыталась она.

– Я сейчас тебе шею намою. Иди в комнату говорят. – Алексей был подвыпивший, и голос прозвучал громче, чем он того хотел, но это его, кажется, несколько не расстроило. – И дверь закрой, – крикнул он ей вслед.

– Мда-а, строг ты со своей половинкой, – сказал Павел, когда женщина и ребенок скрылись в комнате.

– По-другому никак.

Пашка расхохотался.

– Я вспомнил: ты же стихи писал.

Алексей улыбнулся.

– Тоже мне вспомнил. Скажешь уж стихи, так – писульки, да каляки-маляки с высокопарными словами. В лучшем случае стишками назвать можно. Завязал я с этим давно, как женился. Вдохновение пропало. Так, редко ночью слова приходят, – сказал он и тяжело посмотрел в коридор.

– И все равно, не таким я тебя женатым представлял.

– Не суди, да несудим будешь, – сказал Алексей, наполняя рюмки. – Ты вот женат?

– Нет! – гордо ответил друг.

– Во-о-от. Хорошее дело браком не назовут. Женишься, и сам начнешь воспитывать свою жену.

– А зачем ее воспитывать, ей родители были на что?

– Ого-го. Родители. Сказал. Навестила нас как-то ее мамаша, белокурая что солнце, только ясности в голове ей это не прибавляло. – Они рассмеялись удачному, как им показалось, сравнению. – Прогнал я ее обратно к своему эскимосу. И так тесно троим, а она еще свою жопу слоновью притащила. – Они снова рассмеялись, как им показалось должно быть верному эпитету. – Но отец у нее, правда, нормальный мужик, спокойный. Охотником был, пока в город не перебрался и с ее мамашей не связался. А еще и дочка в нее пошла, – бедолага.

Они выпили и закусили.

– Мучаешься с ней? – прямо спросил друг.

– Мучаюсь. Каждый божий день мучаюсь. Как ты мне сказал, когда ее в витрине увидел? «Ты такую бабу не удержишь, слишком красива – уведут» Прав ты был тогда. Теперь сторожевым псом при ней работаю. А ей все гулять охота, мол, молода еще. Забрал я ее из Норильска, – Алексей пьяной закивал головой, – месяц не прошел, как задерживаться на работе стала. Я-то блин жалел ее, думал, заработалась дорогая, а она с мужиками на танцульки ходила. Один

раз пришла в дрова, ели ноги дотащила, я и понял в чем дело. С того дня спуску не давал. Глаз да глаз. Чуть отвлекся и ищи ветра в поле. И не боится. Знает, что по башке получит, а удержаться не может. Пьющая мать – горе в семье.

– Ну и отпустил бы ее: ей беспутная жизнь милее. Развелся бы ты с ней, и дело с концом.

– Не дождется.

Пашка рассмеялся.

– И как тебя так угораздило влюбиться? Ты же шибко грамотный был. С твоей головой мог бы устроиться получше своего завода.

– Ты это мне говоришь? А то я не знаю. Я и сейчас могу, только сам другого не хочу. Меня мой завод устраивает. Начальство во мне нуждается, чуть ли на руках не носят, отпускают, когда мне надо, слова плохого в жизни не скажут. Где еще так будет? Ладно тебе, Паш, не о чем тут говорить.

Татьяна взяла стакан из серванта, приставила его к стене и слышала все, что муж про нее говорил.

– Мам, не хорошо подслушивать, – сказал ей Андрюша, она только цыкнула на него. Сын грустно смотрел на автомат на коленях.

Слова мужа разозлили: наговорил он на нее, в глаза гостью стыдно посмотреть. Когда друзья сменили тему, она начала взад вперед по комнате ходить, не решаясь даже в туалет выйти. К вечеру, когда солнце за окном коснулось новостроек, ее позвали и сказали доставать матрас: Пашка остается на ночь. Ему завтра в Калининград лететь, и не о каких гостиницах Алексей и слушать не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.